

УДК 338.49, 339.986

JEL: L63; L81; L86; F54

DOI: 10.31857/S2686673022050042

EDN: GQSENN

США: на пути к цифровому империализму

В.С. Васильев

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН)

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3131-9500>

e-mail: vsvasiliev@mail.ru

Резюме. Анализируются исторические особенности становления цифровой экономики США начиная с 1990-х годов. Подчёркивается, что с момента превращения цифровой экономики в один из самых быстро развивающихся секторов американской экономики она считалась важной движущей силой трансформации научно-технического уклада в XXI веке, до известной степени независимой от традиционных закономерностей капиталистической экономики, главной из которых является закон циклического развития. Кризисные потрясения в начале текущего столетия наглядно продемонстрировали ограниченные возможности быстрого поступательного развития сектора ИКТ-технологий, хотя и оставили надежды на его революционную роль в трансформации всех сфер современного общества. Кризис 2020 г. показал, что цифровая экономика как важнейший фактор экономической стабильности, стала той отраслью, которая продемонстрировала рост на фоне самых глубоких кризисных потрясений со времён «Великой депрессии». Вознаграждение труда работников цифровой экономики одно из самых высоких в США.

Формирование сектора цифровой экономики рассматривается как важнейшая материально-техническая основа для трансформации США в цифровую империю, способную возродить принципы колониального господства и доминирования промышленно развитых стран по отношению к менее развитым странам Латинской Америки, Африки и Азии. Цифровой империализм предопределяет и период наступления эпохи экономических войн, ибо цифровизация общественных сфер не позволит менее развитым странам найти средства и инструменты отстаивать свой суверенитет в сфере международных отношений. Коронавирусная пандемия ускорила развитие цифровой экономики, способствовала увеличению разрыва в доступе к цифровым технологиям на национальном и на международном уровнях. «Цифровой разрыв» стал также важным фактором увеличения социально-экономического неравенства в распределении доходов и богатств.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровая инфраструктура, электронная торговля, цифровые коммерческие услуги, цифровой империализм, цифровой колониализм

Для цитирования: Васильев В.С. США: на пути к цифровому империализму. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2022, 52(5): 50-67.

DOI: 10.31857/S2686673022050042

USA: Towards Digital Imperialism

Vladimir S. Vasiliev

Institute for the U.S. and Canadian Studies,

Russian Academy of Sciences (ISKRAN)

2/3 Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3131-9500>

e-mail: vsvasiliev@mail.ru

Abstract. The historical features of the formation of the US digital economy since the 1990s are analyzed. It is emphasized that since the transformation of the digital economy into one of the fastest growing sectors of the American economy, it has been considered as one of the most important drivers forces for the transformation of the US scientific and technological base in the 21st century, to a certain extent independent of the traditional patterns of functioning of the capitalist economy, the main of which is the law of its cyclic development. The crisis upheaval in the American economy at the beginning of this century clearly demonstrated the limited possibilities for the rapid progressive development of the ICT sector, although they did not dispel hopes for its revolutionary role in transforming the reproductive basis of the modern economic system. The crisis of 2020 showed that the digital economy is the most important factor in ensuring societal [economic-- убраться] stability, moreover, it was one of the industries that showed economic growth against the backdrop of the deepest economic downturn in the US since the Great Depression. The remuneration of workers in the digital economy is one of the highest in the United States.

In the context of modern globalization, the formation of the digital economy sector in the United States is seen as the most important material and technical basis for the global dominance of the United States, in the transformation of America into a digital empire that can revive the principles of colonial domination and domination of economically developed countries in relation to the less developed countries of Latin America, Africa and Asia. Digital imperialism predetermines the period of the onset of the era of economic wars, because the digitalization of all public spheres is considered a factor that will not allow less developed countries to find the means and tools to defend their sovereignty in the field of international economic relations. The coronavirus pandemic has accelerated the development of the digital economy, further widening the gap in access to digital technologies both at the national and international levels. The “digital divide” has also become an important factor in increasing socio-economic inequality in the distribution of income and wealth.

Keywords: digital economy, digital infrastructure, e-commerce, digital commercial services, digital imperialism, digital colonialism

For citation: Vasiliev V.S. USA: Towards Digital Imperialism. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2022, 52 (5):50-67. DOI: 10.31857/S2686673022050042

ВВЕДЕНИЕ. Исторические особенности становления нового наукоёмкого сектора экономики

Широкое распространение в американской экономике персональных компьютеров примерно с середины 1970-х годов и развитие информационно-коммуникационных сетей связи, приведшее на рубеже 1980–1990-х годов к формированию единой общенациональной и глобальной системы связи, получившей название Интернет, явились в середине 1990-х годов важнейшим фактором формирования в экономике США самостоятельного сектора информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Официально понятие «цифровая экономика» вошло в употребление в 1998 г., когда Министерство торговли опубликовало обширный доклад, посвящённый новому и быстро растущему сектору экономики. В конце XX века аме-

риканские аналитики стали развивать концепцию «цифровой революции» по аналогии с промышленной революцией XVIII–XIX веков [1: 3-7]. В тот период американские специалисты были склонны отождествлять цифровую экономику с сектором ИКТ-технологий, не давая более или менее точного её определения. По состоянию на 1990 г. доля сектора ИКТ-технологий оценивалась в 6,1% ВВП, к 1998 г. она увеличилась до 8,2% ВВП [1: 4].

В 1999 г. Министерство торговли выпустило второй доклад, посвящённый формированию сектора цифровой экономики в США. Тогда исследования, выпущенные под эгидой министерства, делали основной упор на прикладные аспекты цифровой экономики, имея в виду прежде всего экономические эффекты. Поэтому в качестве основных проявлений фигурировало стремительное развитие системы электронной торговли и вклад ИКТ-технологий в темпы и изменение факторов экономического роста США. В частности, в конце XX века объёмы сделок посредством интернета оценивались от 7 млрд до 15 млрд долл., темпы роста сектора ИКТ-технологий достигли 10,7% в 1993–1999 гг., что примерно в 2 раза превышало среднегодовые темпы роста американской экономики в тот период [2: 5, 16]. К концу XX века услугами интернета в США и Канаде пользовалось примерно 100 млн человек [2: 3], и американские аналитики строили радужные прогнозы относительно перспектив развития электронной торговли в глобальных масштабах, естественно, с точки зрения формирования могучего фактора ускорения развития американской экономики.

НОВЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ И ТРАДИЦИОННЫЕ ЦИКЛИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Ускоренное, но одновременно хаотичное развитие сектора ИТК-технологий достигло своего пика в марте 2000 г.; на рынке цифровых технологий сформировался мощный пузырь, который стремительно сдулся, способствуя рецессии 2001 г. 10 марта 2000 г. индекс высокотехнологичных компаний достиг рекордных 5048 пунктов, а 9 октября 2002 г. опустился до отметки 1 114 пунктов, то есть уменьшился почти в 5 раз по сравнению с пиковым значением [3]. Потери в номинальной стоимости акционерного капитала компаний и корпораций, акции которых торговались на фондовом рынке НАСДАК, с марта 2000 г. по октябрь 2002 г. потеряли в стоимости умопомрачительную величину – 5,1 трлн долл., уменьшившись с 6,7 трлн до 1,6 трлн долл. [Brunnermeier B. and Nagel S., 2004: 2015].

Шоковое потрясение, вызванное лопнувшим пузырьком на рынке ИКТ-технологий, обернулось глубоким разочарованием в цифровой экономике, которая преподносилась в качестве «магического средства» решения слабых мест рыночной экономики, унаследованных от капитализма второй половины XIX и XX веков. И самый главный вывод, который был сделан в начале текущего столетия, сводился к тому, что цифровая экономика и «тотальная» цифровизация могут обернуться серьёзными экономическими кризисами и крахом на биржах. На

смену цифровой эйфории 1990-х годов пришёл цифровой пессимизм первого десятилетия текущего столетия, когда под сомнение были поставлены все достоинства цифровизации, а недостатки стали рассматривать как «нормальные» проявления любой смены научно-технологического уклада [Васильев В.С. 2005, 9: 3-27].

Синдром возможного биржевого краха цифровой экономики был преодолен только к концу второго десятилетия текущего века, когда сам термин вновь появился в официальных изданиях. Однако по своему настрою они стали носить взвешенный характер, лишённый эйфории второй половины 1990-х годов. Основная причина этой «реабилитации» кроется в объёмах венчурного инвестирования, одного из основных каналов финансирования сектора ИКТ-технологий. На пике цифрового бума рубежа XX и XXI веков они достигли отметки в 120 млрд долл. (в текущих ценах); в 2002 г. сократились до 16 млрд долл., то есть в 7,5 раз. В 2013 г. они составили 37 млрд долл., а затем стали расти достаточно быстрыми темпами, выйдя в 2018 г. на уровень 2000 г., когда их объём достиг 122 млрд долл. В 2020 г. венчурные инвестиции выросли до рекордного уровня в 130 млрд долл. [4], и этот показатель является свидетельством того, что бизнес в широком смысле этого слова, а не только венчурный, вновь «поверил» в цифровую экономику.

Параллельно большее внимание стало уделяться выявлению классификационных признаков цифровой экономики, ибо по сути за 20–25 лет официальным органам федерального правительства США так и не удалось сформулировать чёткого определения понятия цифровой экономики, что в принципе открывает достаточно широкое поле не только для его толкования, но и манипулирования им для получения желаемого образа цифровой экономики в зависимости от политической и экономической конъюнктуры.

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ГРАНИЦЫ

Парадокс более или менее чёткого определения официальными органами федерального правительства США понятия «цифровая экономика» находит своё проявление в том, что данное в начале XXI века на первых этапах цифровизации оно, по сути, не претерпело изменений в последующие 20 лет. В 2001 г. ведущий специалист Бюро переписи населения в составе Министерства торговли США Т. Мезенбург связал роль и значение цифровой экономики с концептуальным определением, подчеркнув, что «политики, деловые круги и средства массовой информации (СМИ) обращались к различным терминам для характеристики цифровой экономической активности. Более того, был сделан вывод о том, что эти термины часто использовались взаимозаменяемо и без понимания масштабов или взаимосвязей» [5: 3].

В результате было предложено не столько «академически» чёткое определение, сколько логическая конструкция, состоящая из трёх основных цифровых блоков, в сумме дающих представление о секторе цифровой экономики. *Первый*

блок был определён как представляющий собой инфраструктуру электронного бизнеса, под которой имелась в виду «доля общей экономической инфраструктуры, используемой для поддержки электронных бизнес-процессов и ведение электронной торговли». В качестве элементов инфраструктуры электронного бизнеса были перечислены 1) компьютеры, маршрутизаторы и другие виды аппаратного обеспечения; 2) спутники, системы оптико-волоконной связи и другие сетевые каналы передачи информации; 3) системное и прикладное программное обеспечение; 4) вспомогательное обслуживание, включая разработку и ввод в эксплуатацию веб-сайтов, консультирование, электронные платежи и сертификационные услуги; 5) человеческий капитал, например программисты [5: 3-4].

Ко *второму блоку* были отнесены различные виды электронного бизнеса, то есть «любые процессы, которые деловая структура осуществляет с помощью компьютеризированных сетей передачи информации» [5: 4]. Под деловыми структурами имелись в виду компании, фирмы или корпорации, действующие на коммерческой основе ради получения прибыли, а также бесприбыльные организации. В качестве основных видов электронных бизнес-процессов фигурировали онлайн-покупки и продажи, компьютеризированное управление производственными процессами и логистикой, а также системы внутренней связи и вспомогательных служб. Деятельность систем внутренней связи и вспомогательных служб охватывала электронную почту, предоставление автоматизированных услуг для сотрудников, обучение, обмен информацией, видеоконференции, набор персонала и удалённую работу.

Третий блок охватывал все виды электронной торговли, при этом особый упор делался на коммерческие сделки купли-продажи, осуществляемые для извлечения прибылей на основе установленных цен товаров и услуг, предлагаемых через электронные системы торговых связей. Некоммерческое использование такого рода систем в понятие «электронная торговля» не входило и не учитывалось при определении объёмов электронной торговли, как и платёжные операции, осуществляемые с помощью электронных систем [5: 4].

Фактически на основе этих трёх блоков можно было дать широкое и узкое понимание границ цифровой экономики. При широком понимании её границы и масштабы приобретали достаточно расплывчатые очертания, а при узком – сердцевинной цифровой экономики становилась сфера электронной торговли, что было обусловлено ведомственными интересами Министерства торговли.

Главным органом изучения и оценки границ цифровой экономики в США сейчас является Бюро экономического анализа, которое начало собирать и публиковать систематические статистические данные о цифровой экономике с весны 2018 г. Согласно американскому официальному пониманию термина «цифровая экономика», она включает в себя три основных типа товаров и услуг:

- «Инфраструктура, или основные физические материалы и организационные механизмы, поддерживающие существование и использование компью-

терных сетей и цифровой экономики; в первую очередь товары и услуги информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

- Электронная торговля или удалённая продажа товаров и услуг через компьютерные сети.

- Платные цифровые услуги или услуги, связанные с вычислениями и связью, которые предоставляются за плату, взимаемую с потребителя» [6].

Вместе с тем пока Бюро экономического анализа в оценках границ цифровой экономики придерживается принципа более узкого их понимания, исключив «любые товары, которые имеют какие-либо нецифровые компоненты, и многие услуги, у которых нет нецифровых компонентов». Поэтому первые оценки размеров цифровой экономики, сделанные весной 2018 г., были составлены «только на основе товаров и услуг, которые являются цифровыми». Однако оценки размера цифровой экономики, появившиеся в августе 2020 г., а затем скорректированные в июне 2021 г., были составлены на основе расширительной трактовки объёмов электронной торговли путём включения в них частично цифровых товаров. В итоге, как указывают аналитики Бюро экономического анализа, «частичное включение дополнительных розничных и оптовых товаров электронной торговли расширило границы цифровой экономики». Одновременно новейшие американские оценки масштабов «цифровой экономики полностью исключают стоимость отраслей, производящих товары и услуги, связанные со структурами, которые в свою очередь являются частью цифровых и платных цифровых посреднических услуг» [7].

Более узкая трактовка границ цифровой экономики наглядно видна на примере её размеров, выполненных в конце XX века и в последнее время. Так, по состоянию на 1998 г. на долю цифровой экономики приходилось 8,2% ВВП [1: 4], а согласно оценке 2021 г., в 2019 г. на долю цифровой экономики приходилось не более 9,6% ВВП США, а объём производимой ей продукции достиг 2,1 трлн долл. [8]. При этом ретроспективная ревизия границ цифровой экономики, произведённая в 2018 г., показала, что в целом доля цифровой экономики в конце XX века составляла порядка 6,0% ВВП, а в 2016 г. — 6,5%, хотя на протяжении 2001–2008 гг. она была меньше 6% ВВП [9: 9].

Впервые понятие «цифровая экономика» было введено в широкий оборот канадским учёным профессором Д. Тапскоттом, специалистом-управленцем, специализировавшемся на использовании ИКТ-технологий для разработки фирмами и корпорациями своих бизнес-моделей. В середине 1990-х годов он выпустил книгу «Цифровая экономика: перспективы и угрозы в эпоху сетевого интеллекта», в которой определил цифровую экономику как «сетевое объединение людей с помощью информационных технологий для использования их интеллекта, знаний и творческих способностей осуществлять революционные прорывы в создании богатств и социального прогресса» [Tapscott D.: 15].

Монография Д. Тапскотта положила начало борьбе конкурирующих определений «цифровой экономики», получивших хождение в тот период в широ-

кой и в академической литературе. На главную позицию феномена «цифровой революции» претендовали термины «интернет-экономика», «вэб-экономика», «сетевая экономика» и «новая экономика» [10: 4]. Эти определения отражали те особенности ИКТ-технологий, которые играли ведущую роль в конкретный исторический отрезок времени¹. Во второй половине 1990-х годов ведущую роль в цифровизации экономики играл интернет; в первом десятилетии текущего столетия к нему присоединились мобильная связь и сенсорные сети, а в последующий период — «облачные» вычисления и базы больших данных. В результате этих изменений в ИКТ-технологиях и выкристаллизовалось понятие «цифровой экономики» как наиболее общая формулировка не только текущих изменений в ИКТ-технологиях, но и возможных будущих «добавлений» к ним. Этот подход, в частности, нашёл своё отражение в официальной публикации австралийского правительства, посвященной цифровой экономике Австралии, в которой цифровая экономика была определена как «глобальная сеть экономической и социальной активности, которая стала возможной благодаря информационным и коммуникационным технологиям, таким как Интернет, мобильная связь и сенсорные сети» [12: 2].

В 2016 г. лидеры стран «Большой двадцатки» приняли декларацию, которая окончательно закрепила за понятием «цифровая экономика» все экономические процессы, в которых используются цифровые технологии. В декларации было дано расширительное определение термина «цифровая экономика», под которой «понимается широкий спектр видов экономической деятельности, в том числе с применением цифровой информации и знаний как ключевых факторов производства, современных информационных сетей в качестве важного пространства для деятельности и эффективное использование информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в качестве важнейшего фактора роста производительности труда и оптимизации структуры экономики. Интернет, облачные вычисления, базы больших данных, Интернет вещей (ИВ), финансовые технологии и другие новые цифровые технологии всё шире используются для сбора, хранения, анализа и обмена информацией в цифровом виде и для преобразования социальных отношений. Оцифрованные, сетевые и интеллектуальные ИКТ позволяют современной экономической деятельности быть более гибкой, динамичной и умной» [13: 1].

---

¹ Необходимо также отметить, что метаморфозы использования термина «цифровая экономика» на рубеже XX и XXI вв. объясняются также политическими мотивами. С приходом к власти в январе 2001 г. республиканской администрации Дж. Буша-младшего понятие «цифровая экономика» было заменено на «новую экономику», поскольку во второй половине 1990-х годов цифровая экономика превратилась в своего рода «визитную карточку» демократической администрации У. Клинтона, и поэтому новая республиканская администрация «открестилась» от цифровизации, считая, что этот термин имеет вполне определённую политическую ангажированность [11].

В публикации известной американской консалтинговой компании «Мак-Кинзи энд компани», увидевшей свет в 2015 г., цифровая экономика трактовалась «не столько как концепция, сколько как форма выполнения производственных операций», то есть сугубо прикладных и утилитарных позиций [14]. Необходимо отметить, что такое понимание «цифровой экономики» широко распространено в деловых кругах Америки. В частности, согласно представлениям американских бизнес-консультантов Р. Асена и Б. Блечшмидта, необходимо различать понятия «цифровые методы ведения бизнеса» и «быть цифровым бизнесменом». В последнем случае речь идёт о системе «цифрового сознания» бизнесменов и управляющих фирмами и корпорациями. Фактически можно говорить о формировании широкой «цифровой культуры», которая должна стать корпоративной основой для внедрения новых видов ИКТ-технологий, а также разработки и использования бизнес-моделей [Asen R. & Blechschmidt B.: 13-14].

В последние несколько лет официальной легитимизации термина «цифровая экономика» безусловно способствовало то обстоятельство, что в США и международных организациях, таких как ООН (в лице Статистического отдела Департамента по экономическим и социальным вопросам) и Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), началась работа по инкорпорированию ИКТ-сектора в систему национальных экономических счетов. Это потребовало классификационной точности и определённости соответствующего термина, освобождения его от временного, конъюнктурного фактора. Термин «цифровая экономика» как нельзя лучше подошёл для этих целей [подробнее см.: Татаринов А.А.: 5-17].

СОВРЕМЕННАЯ ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА США: ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

Летом 2021 г. Бюро экономического анализа опубликовало оценки размеров и динамики развития цифровой экономики с 2005 по 2019 гг. По заключению американских аналитиков и статистиков, эти оценки носят предварительный характер и не претендуют на «истину в последней инстанции», поскольку построены на расширительном понимании границ цифровой экономики, включающих как цифровые, так и нецифровые товары и услуги, в последнем случае – структурные элементы розничной и оптовой электронной торговли, а также «облачные» вычисления.

В 2019 г. на долю цифровой экономики приходилось почти 10% ВВП США, измеряемого в текущих ценах, или немногим более 2 трлн долл. в абсолютном выражении. По объёму производимых товаров и услуг цифровой сектор американской экономики находился на четвёртом месте в перечне 22-х основных секторов после: 1) сектора операций с недвижимостью, арендой и лизингом (13,4% ВВП); 2) государственного сектора (12,3% ВВП) и 3) обрабатывающей промышленности

ленности (10,9% ВВП). При этом сектор цифровой экономики уверенно опережал сектор финансовых и страховых услуг, профессиональных и научно-технических услуг и сектор здравоохранения и социальных услуг, доля каждого из которых в ВВП США в 2019 г. лежала в интервале от 7,4% до 7,8% [15: 2].

Таким образом, можно считать, что цифровая экономика США превратилась в один из ведущих секторов экономики и стала важнейшим фактором научно-технического прогресса и ускоренного экономического роста. С 2005 по 2019 г. среднегодовые темпы роста цифровой экономики составили 6,5%, это почти в 4 раза превышало среднегодовые темпы роста всей американской экономики за тот же период, равные 1,8% (в расчёте на добавленную стоимость, измеряемую в текущих ценах). В результате доля цифровой экономики в ВВП возросла с 7,8% в 2005 г. до 9,6% к концу второго десятилетия XXI века [15: 2].

Важно иметь в виду то обстоятельство, что цифровая экономика принадлежит к наукоёмкой сфере, и поэтому в ней занято относительно меньший, но более квалифицированный контингент рабочей силы. В 2019 г. занятость в цифровой экономике составила 7,7 млн человек, и на долю этого сектора на тот момент приходилось всего 5% совокупной рабочей силы, общая численность которой равнялась 155,2 млн человек. По этому параметру цифровая экономика находилась на восьмом месте по числу занятых; главным работодателем в конце второго десятилетия XXI века в экономике США выступал государственный сектор (16,1% занятых), за ним следует сектор здравоохранения и социальных услуг (2,9%), розничная торговля (10,9%), гостиничный бизнес и продовольственное обслуживание (9,0%), обрабатывающая промышленность (8,2%), профессиональные и научно-технические услуги (6,1%) и утилизация твёрдых отходов (6,0%) [16: 4]. Именно в силу наукоёмкого характера сектора цифровой экономики в 2019 г. средние заработная плата и должностные оклады её работников почти в 1,8 раза превышали средний уровень зарплат и должностных окладов трудящихся в целом по американской экономике, составляя 131,6 тыс. и 73,7 тыс. долл. соответственно [15: 3].

Новейшие оценки стоимостных параметров структурных компонентов цифровой экономики США позволили определить её структуру по параметру добавленной стоимости (см. таблицу).

С 2005 по 2019 г. различные компоненты цифровой экономики развивались неодинаковыми темпами, что объяснялось спецификой научно-технического прогресса в различных сегментах цифровой экономики. Научно-технические инновации в этот период позволили добиться значительного снижения издержек производства телекоммуникационного оборудования и аппаратного обеспечения. В результате, если в 2005 г. на долю телекоммуникационного оборудования приходилась примерно одна треть всей добавленной стоимости цифровой экономики, то спустя 14 лет она уменьшилась до одной пятой, а доля аппаратного обеспечения сократилась примерно на 10%. Наиболее быстро развива-

лись сегменты программного обеспечения, доля которого за этот период возросла примерно на 5% (на тот момент 18%), и электронная торговля: оптовый сегмент увеличил свою долю примерно на 4%, а доля сегмента розничной торговли возросла в 2 раза [15: 10].

Таблица

**Структура цифровой экономики США в 2019 г.
(по показателю добавленной стоимости в ценах 2019 г.)**

Компонент	Доля, %
Инфраструктура:	35,9
<i>Аппаратное обеспечение</i>	12,9
<i>Программное обеспечение</i>	23,0
Электронная торговля:	22,0
<i>Оптовая электронная торговля</i>	15,5
<i>Розничная электронная торговля</i>	6,5
Коммерческие цифровые услуги:	42,1
<i>Телекоммуникационные услуги</i>	20,2
<i>Услуги Интернета и информационные услуги</i>	6,0
<i>«Облачные» вычисления</i>	3,6
<i>Все прочие цифровые услуги, оказываемые на коммерческой основе</i>	12,3
Цифровая экономика США, всего	100,0

[15: 10]

Другой важнейшей особенностью развития цифровой экономики США стало снижение цен на её продукцию. В 2005–2019 гг. среднегодовые темпы снижения цен на цифровые товары и услуги составили 0,8%, а в американской экономике в целом наблюдалась инфляция, в среднегодовом выражении составившая 2% [17: table 3]. При этом ценообразование на компоненты цифровой экономики также имело «разновекторную», но весьма примечательную направленность.

Цены на электронные товары и услуги, реализуемые через розничную и оптовую торговлю, имели тенденцию к росту, в то время как цены не только на программное и аппаратное обеспечение, но и на все виды коммерческих цифровых услуг снижались [17: table 3]. Иными словами, склонная к спекулятивной инфляции торговая сфера распространила свою базовую закономерность ценообразования и на электронную торговлю, в то время как сферы по созданию программного и аппаратного обеспечения, а также все виды коммерческих цифровых услуг функционировали в рамках базовой закономерности к дефляционному снижению цен за счёт сокращения производственных издержек.

ДВОЙСТВЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КОРОНАВИРУСНОЙ ПАНДЕМИИ НА РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Коронавирусная пандемия, обрушившаяся на США в начале 2020 г., сравнительно быстро привела к тому, что США вышли на первое место в мире и по

числу инфицированных, и по количеству смертей. На начало весны 2022 г. в США переболело 80 млн человек, почти 1 млн человек умер [18]. В 2020 г. реальный ВВП США, измеряемый в постоянных ценах 2012 г., сократился на 3,4%. Однако при общем падении ВВП, распространившемся на 16 отраслей американской экономики из 22-х, пять отраслей продемонстрировали хоть и небольшие, но реальные темпы роста ВВП, и среди них на первом месте оказался сектор ИКТ-технологий (близкий по своим параметрам к цифровой экономике), общий объём продукции которого увеличился на 0,16 процентных пункта (п.п.) [19: 21]. Этот макроэкономический показатель является как прямым, так и косвенным доказательством того, что экономические кризисы и потрясения оборачиваются серьёзными структурными сдвигами в экономике, в результате которых развитие одних секторов и отраслей ускоряется, а других замедляется, что в свою очередь ведёт к их средне- и долгосрочному упадку.

И хотя сейчас трудно дать общую картину последствий влияния коронавирусной пандемии на развитие цифровой экономики, господствующее мнение американских аналитиков свелось к тому, что в США, «когда общее развитие экономики весной 2020 г. замерло, в цифровой экономике начался мощный подъём, а экономика "кирпичей и железобетона" пережила форменный крах» [20: slide 2].

Коронавирусная пандемия ускорила развитие цифровой экономики по следующим направлениям. *Во-первых*, заметно увеличилась численность тех, кто работает в домашних условиях; до начала пандемии только 30% американцев работало на «удалёнке», в то время как 70% – попеременно: то в домашних условиях, то на рабочем месте, включая 38% рабочих и служащих, постоянно пребывающих на рабочем месте. Можно предположить, что в целом доля сотрудников «на удалёнке», увеличилась в 1,5–2 раза. *Во-вторых*, резко усилилось значение электронной торговли, особенно розничной. К концу 2020 г. примерно одна треть всего объёма розничных продаж в США пришлась на долю электронной торговли. *В-третьих*, индустрия развлечений стала активнее прибегать к интернет-показам художественных фильмов, спектаклей, выставок и других видов представлений. *В-четвёртых*, деятельность научно-исследовательских организаций, в том числе видеоконференций, заметно возросла. Одно время Нью-Йоркская фондовая биржа полностью перешла на онлайн-торговлю ценными бумагами и, по мнению американских аналитиков, даже после того, как спадёт острота коронавирусной пандемии, гибридные формы торговли ценными бумагами сохранятся и будут востребованы. *В-пятых*, пандемия в колоссальной степени способствовала развитию медицинского обслуживания и консультирования онлайн [21: 4-5].

Пандемия затронула и строительную промышленность США. Строительные фирмы при сооружении домовладений по индивидуальным заказам стали создавать отдельные рабочие помещения для владельцев и арендаторов котте-

джей. Особо следует выделить динамику развития электронной розничной торговли. В 2020 г. её объёмы увеличились на 183 млрд долл., что примерно соответствует объёму новогодних продаж в Америке. Всего с марта 2020 г. по февраль 2021 г. американским потребителям было продано электронных товаров и услуг на сумму 844 млрд долл.; в 2020 г. объём электронных розничных продаж составил 813 млрд долл. – это рост продаж электронных товаров и услуг на 42% (! – *Авт.*) по сравнению с 2019 г. Несмотря на то что в начале 2021 г. масштабы коронавирусной пандемии стали уменьшаться, в том числе и благодаря вакцинации десятков миллионов американцев, в январе – феврале 2021 г. объём электронных розничных продаж составил 121 млрд долл., или на 34% больше по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. Это означает, что американские потребители достаточно твёрдо стали ориентироваться на бесконтактные формы торговли, и, весьма вероятно, что, несмотря на неравномерные темпы восстановления экономической активности, в 2022 г. можно ожидать дальнейшего роста электронной торговли, объём которой вполне может превысить 1 трлн долларов.

Практика торговли онлайн в условиях коронавирусной пандемии обнаружила также интересные особенности изменения в привычках и предпочтениях американских потребителей. Поскольку люди большую часть времени стали проводить дома, то резко увеличилась покупка строительных и отделочных материалов, объём которых вырос на 60% в январе – феврале 2021 г. по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. Рост онлайн-продаж изменил и привычные формы покупок, ранее приуроченных к общенациональным американским праздникам (День труда, День президента): покупки стали осуществляться на более или менее постоянной основе, невзирая на распродажи, приуроченные к праздникам. Однако наряду с увеличением объёмов электронных розничных продаж более активно стала проявлять себя «цифровая инфляция»; в 2020–2021 гг. (с января по январь) розничные цены в системе розничной электронной торговли на бакалейные товары выросли на 4,2% по сравнению с их снижением в 2019–2020 гг. (также с января по январь) на 6%, а цены на садовые растения и инвентарь для домашних оранжерей и садов выросли на 3,9% по сравнению с их снижением на 9,3% годом ранее [22].

Вместе с тем пандемия усилила «цифровой разрыв», существующий в США между промышленно развитыми штатами и американской сельской глубинкой. Так, 97% американцев, проживающих в городских районах, имеют доступ к широкополосному Интернету, но только 65% жителей сельскохозяйственных районов пользуются его услугами, а коренные жители Америки охвачены этим видом цифрового обслуживания на 60%. 7% учащихся американских средних школ – выходцев из беднейших семей не имеют доступа к Интернету в местах проживания, в то время как среди учащихся – выходцев из семей с относительно высоким жизненным уровнем таких всего 1,6% [23].

Социально-экономическая дифференциация различных социальных слоёв и групп американского общества будет выступать в дальнейшем как достаточно весомый фактор сдерживания развития цифровой экономики США.

ГРЯДУЩИЙ ЦИФРОВОЙ ИМПЕРИАЛИЗМ США

Становление сектора цифровой экономики в качестве одного из ведущих сегментов экономики США заставляет американских специалистов рассматривать перспективы её развития в более широком контексте, выходящем за пределы национальных границ. По мнению одного из ведущих американских специалистов в области цифровизации Р. Аткинсона, президента Фонда информационных технологий и инноваций, внештатного консультанта федерального правительства США в сфере ИКТ-технологий и цифровой экономики, её развитие должно строиться на основе глобальной стратегии трансформации цифровой экономики США в ведущий сегмент глобальной цифровой экономики. Необходимость глобализации прежде всего обосновывается тем, что правительству «необходимо сформулировать долгосрочную стратегию, основанную на доктрине цифровой реальной политики, которая продвигает в первую очередь интересы США, исходя из того, что страна должна работать со своими союзниками, когда это необходимо, и сдерживать цифровых противников, особенно Китай и Россию» [24: 4].

Помимо этого, США и ведущие американские ИТ-гиганты могут извлечь прибыль и укрепить свои экономические позиции, используя колоссальные разрывы, существующие между своей цифровой экономикой и цифровыми сегментами развивающихся стран, к числу которых относится большая часть стран Азии, Африки и Латинской Америки. Межстрановые цифровые разрывы могут и должны быть использованы США для установления «мирового цифрового порядка», основанного на иерархии «цифрового влияния». При этом речь идёт об иерархическом подчинении не только этих стран, но и европейских союзников США. В этом плане Р. Аткинсон сравнивает цифровые экономики стран ЕС и США как «европейских цифровых лилипутов» и «американского цифрового Гулливера», что наглядно видно из приводимого ниже рисунка.

При этом Р. Аткинсон исходит из того, что несмотря на значительный торговый дефицит в торговле со странами ЕС в целом, который составил в 2019 г. 153 млрд долл., в торговле цифровыми товарами и услугами США имели хоть и небольшой, но профицит, равный 1,8 млрд долларов [24: 25].

Естественно, что аналогичными принципами мирового «цифрового господства» США должны руководствоваться по отношению и к КНР, и к России. При этом в отношении России прямо провозглашена стратегия и тактика её «цифровой изоляции» в системе мировых экономических отношений. Как указывает Р. Аткинсон, «Соединённые Штаты, страны ЕС, большинство неприсоединившихся стран и некоторые развивающиеся страны должны действовать сообща,

чтобы оперативно реагировать на действия цифровых недобросовестных стран, таких как Россия» [24: 40].

Рисунок

Контуры «мирового цифрового порядка»: американский «цифровой Гулливер» и европейские «цифровые лилипуты»

[24: Figure 2]

Р. Аткинсон сформулировал 11 принципов глобальной цифровой политики США.

Принцип 1. Всемирная поддержка ИТ-технологий и цифровых инноваций, при этом политика технологического кнута отвергается.

Принцип 2. Основой глобальной цифровой политики США является цифровой «национальный подход к развитию», то есть разумная, активная политика для поддержания инноваций и внедрения ИТ-технологий и вовлечение в неё как можно большего числа стран.

Принцип 3. Всемирное ограничение развития информационных технологий и цифровых технологий Китая, особенно тех, которые могут принести ему ощутимую экономическую выгоду.

Принцип 4. Активное противодействие иностранным ИТ-корпорациям и борьба с цифровым протекционизмом.

Принцип 5. Всемирное развитие ИТ-технологий и свободной цифровой торговли, особенно с союзниками США.

Принцип 6. Активное противодействие авторитарному влиянию в сфере информационных технологий и цифровой экономики, но при этом последовательное отстаивание ключевых интересов США.

Принцип 7. Отстаивание ключевой роли частного сектора в развитии ИТ-технологий и в цифровом управлении.

Принцип 8. Следование принципу, согласно которому гигантизм в цифровой экономике не является пороком, а наоборот представляет собой магистральное направление её развития.

Принцип 9. Минимизация регулирования цифровой экономики.

Принцип 10. Отставание максимально открытого Интернета.

Принцип 11. Поддержка и продвижение последовательной внутренней политики в области развития ИТ и цифровых технологий, чтобы обеспечить тем самым глобальное лидерство США [24: 5-6].

Таким образом, перечень этих принципов недвусмысленно говорит о том, что США будут пытаться занять доминирующие позиции в глобальной цифровой экономике за счёт разработки сугубо американских цифровых стандартов, которые они будут стремиться насильно навязать всем остальным странам.

Можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что основные вызовы в развитии национальной цифровой экономики не ограничиваются только необходимостью превратить её в ведущий экономический сектор и ускорить тем самым темпы экономического роста и научно-технического прогресса. Необходимо к тому же избежать опасности остаться на периферии мирового цифрового развития, которое может обернуться для отдельных стран или группы стран, включая и Россию, «цифровым колониализмом» со стороны основных мировых центров цифровой мощи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экономическая война, объявленная России Соединёнными Штатами и другими западными странами в феврале – марте 2022 г., знаменует наступление фундаментально новой эпохи в системе международных экономических отношений. Однако этот новый период является скорее возвращением в прошлые, казалось, «навсегда забытые» старые времена, когда мировое хозяйство было разделено на автаркические группировки стран, нередко враждующих между собой геополитически и даже геоэкономически, при этом к соперничеству этого вида следует отнести и гонку всех видов вооружений, особенно основанную на ракетно-ядерных технологиях.

В современных условиях борьба за экономический суверенитет напрямую связана с феноменом цифровизации всех сфер общественной жизни, в том числе и экономической, которая объективно воссоздает и систему колониальной зависимости одной группы стран от других. Эта система зависимости получила название «цифрового колониализма», под которым имеется в виду «использование цифровых технологий для политического и социально-экономического доминирования над другими нациями и территориями» [25: 2]. С этой точки зрения, американские аналитики постоянно указывают на то, что современные США являются «цифровой суперимперией», которая занимает доминирующие позиции в мире во всех сегментах глобальной цифровой экономики и, опираясь

на мощь которой, США в конечном счёте и будут стремиться «одержать» победу в экономических войнах Будущего.

ИСТОЧНИКИ

1. U.S. Department of Commerce. The Emerging Digital Economy. Wash.: 1998, ii + 255 pp.
2. U.S. Department of Commerce. The Emerging Digital Economy II. Wash.: 1999, I + 48 pp.
3. Glassman J. 3 Lessons for Investors From the Tech Bubble. *Kiplinger's Personal Finance*, Feb. 11, 2015. Available at: <https://www.nasdaq.com/articles/3-lessons-investors-tech-bubble-2015-02-11> (accessed 17.03.2022).
4. Russen J. Value of venture capital investment in the United States from 1995 to 2020 (in billion U.S. dollars). *Statista*, Mar 11, 2021. Available at: <https://www.statista.com/statistics/277501/venture-capital-amount-invested-in-the-united-states-since-1995/> (accessed 17.03.2022).
5. Mesenbourg Th. Measuring the Digital Economy. Wash.: 2001, 29 pp. Available at: tmensenbo@census.gov. (accessed 17.03.2022).
6. U.S. Bureau of Economic analysis. Digital Economy. Toward a Digital Economy Satellite Account. March 15, 2018. Available at: <https://www.bea.gov/data/special-topics/digital-economy> (accessed 17.03.2022).
7. U.S. Bureau of Economic Analysis. Digital Economy. What is missing from the digital economy estimates? Available at: <https://www.bea.gov/help/faq/1249> (accessed 17.03.2022).
8. BEA. How Big Is the Digital Economy? Available at: bea.gov/data/special-topics/digital-economy (accessed 17.03.2022).
9. Barefoot K. et.al. Research Spotlight. Measuring the Digital Economy. *Survey of Current Business*, May 2019, 13 pp.
10. Bukht R. & Heeks R. Defining, Conceptualising and Measuring the Digital Economy. Manchester Centre for Development Informatics Working Paper 68. 2017. ii + 24 pp. Available at: <http://www.gdi.manchester.ac.uk/research/publications/working-papers/di/> (accessed 17.03.2022).
11. Stiglitz J. The Economic Consequences of Mr. Bush. — “Vanity Fair”, November 7, 2007. Available at: <https://www.vanityfair.com/news/2007/12/bush200712> (accessed 17.03.2022).
12. Australian Government. Australia's Digital Economy: Future Directions. Canberra, Commonwealth of Australia 2009, IV + 27 pp.
13. G20 DETF, 2016. G20 Digital Economy Development and Cooperation Initiative, G20 Digital Economy Task Force. 8 pp. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/2016/g20-digital-economy-development-and-cooperation.pdf> (accessed 17.03.2022).
14. MacKinsey & Company. Dornier K. and Edelman D. What 'digital' really means. July 1, 2015. Available at:

<https://www.mckinsey.com/industries/technology-media-and-telecommunications/our-insights/what-digital-really-means> (accessed 17.03.2022).

15. BEA. Updated Digital Economy Estimates – June 2021, 17 pp. Available at: www.bea.gov/system/files/2021-06/DE%20June%202021%20update%20for%20web%20v3.pdf (accessed 17.03.2022).

16. BEA. Digital Economy. Toward a Digital Economy Satellite Account. Nicholson J. New Digital Economy Estimates. August 2020, 31 pp. Available at: <https://www.bea.gov/system/files/2020-08/New-Digital-Economy-Estimates-August-2020.pdf> (accessed 17.03.2022).

17. BEA. Readme for New Digital Economy Estimates_2005-2019. Table 3. Digital Economy Value Added Price Indexes by Component. BEA. Updated Digital Economy Estimates – June 2021, 17 pp. Available at: www.bea.gov/system/files/2021-06/DE%20June%202021%20update%20for%20web%20v3.pdf. (accessed 17.03.2022).

18. John Hopkins University & Medicine. Coronavirus Resources Center. Available at: <https://coronavirus.jhu.edu/map.html> (accessed 17.03.2022).

19. Bureau of Economic Analysis. GDP and the Economy. – «Survey of Current Business», April 2021, 21 pp.

20. MIT Initiative on Digital Economy. Our World Accelerated. COVID-19 and Their Impact on Our Digital Economy. March 2021. 9 slides. Available at: <https://ide.mit.edu/covid-19/> (accessed 17.03.2022).

21. BDO. Covid-19 is Accelerating the Rise of the Digital Economy. May 2020. 8 pp. Available at: <https://www.bdo.com/insights/business-financial-advisory/strategy,-technology-transformation/covid-19-is-accelerating-the-rise-of-the-digital-e> (accessed 17.03.2022).

22. Adobe Digital Economy Index: COVID-19 Report. Adobe Communications Team. March 15, 2021. Available at: <https://blog.adobe.com/en/publish/2021/03/15/adobe-digital-economy-index-covid-19-report.html#gs.yu84an> (accessed 17.03.2022).

23. World Economic Forum. Roese J. COVID-19 exposed the digital divide. Here's how we can close it. Jan 27, 2021. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2021/01/covid-digital-divide-learning-education/> (accessed 17.03.2022).

24. Atkinson R. A U.S. Grand Strategy for the Global Digital Economy. ITIF. January 19, 2021. i + 61 pp. Available at: <https://itif.org/publications/2021/01/19/us-grand-strategy-global-digital-economy> (accessed 17.03.2022).

25. TNI. Kwet M. Digital Colonialism: The Evolution of US Empire. March 4, 2021. 10 pp. Available at: <https://longreads.tni.org/digital-colonialism-the-evolution-of-us-emp> (accessed 17.03.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев В.С. "Новая американская экономика": шаг вперед, три шага назад. США ❖ Канада: экономика, политика, культура, 2005. № 9. С. 3-27.

Татаринов А.А. Измерение цифровой экономики в национальных счетах. *Вопросы статистики*, 2019, № 2, с. 5-17. DOI: 10.34023/2313-6383-2019-26-2-5-17

REFERENCES

Asen R. & Blechschmidt B. Making digital, real and rewarding. *Cognizanti*, 2016, vol. 9(1), 13 pp. Available at: <https://www.cognizant.com/whitepapers/being-digital-making-digital-real-and-rewarding-cognizanti12-codex2094.pdf> (accessed 17.03.2022).

Brunnermeir B. and Nagel S. Hedge Funds and the Technology Bubble. *The Journal of Finance*, October 2004, pp. 2013-2040.

Tapscott D. *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. N.Y.: MacGraw-Hill, 1995, xviii + 342 pp.

Tatarinov A.A. Izmerenie tsifrovoi ekonomiki v natsional'nykh schetakh [Measuring Digital Economy in National Accounts] (In Russ.). *Voprosy statistiki*. 2019, 26(2):5-17. DOI: 10.34023/2313-6383-2019-26-2-5-17

Vasiliev V.S. "Novaia amerikanskaia ekonomika": shag vpered, tri shaga nazad [«New American Economy»: One Step Forward, Three Steps Backward] (In Russ.). *USA ❖ Canada: Economics, Politics, Culture*. 2005. № 9, pp. 3-27.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВАСИЛЬЕВ Владимир Сергеевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института США и Канады Российской Академии наук (ИСКРАН), Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3

Vladimir S. VASILIEV, Doc. Sci. (Economics), Chief Researcher. Institute for the US and Canada, Russian Academy of Sciences (ISKRAN), 2/3 Khlebnny per., Moscow, 121069, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / Received 17.03.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 25.03.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 26.03.2022.